

**Тезисы докладчиков в секции
«Отечественная история XVIII – начала XX в.»**

П.П. Румянцев

Томский государственный университет

**ГУБЕРНАТОР ПОД СЛЕДСТВИЕМ: ДЕЛО ТОМСКОГО
ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н.А. ШЛЕНЕВА**

Николай Алексеевич Шленев пробыл на посту руководителя Томской губернии из числа всех томских губернаторов первой половины XIX в. практически меньше всех – почти два года. Этому были объективные обстоятельства, которые заключались в возбуждении следственного дела, в котором он участвовал в качестве одного из главных фигурантов, что не позволило ему более исполнять обязанности губернатора и одновременно Главного начальника Алтайских горных заводов. В представленной статье предпринимается попытка рассмотреть обстоятельства «дела Шленева» и выявить его последствия.

На втором году губернаторства Шленева, в 1837 г. произошла целая серия выступлений приисковых рабочих в различных частях Томской губернии, которая вызвала большой резонанс и имела далеко идущие последствия как для самого Шленева, так и для всей золотопромышленной отрасли в Сибири. Причины выступлений рабочих Шленев видел не в плохих условиях жизни на приисках, небольшой платы за труды, а в их собственной уверенности в безнаказанности за любой собственный проступок, в уверенности в собственной силе перед любым начальством. В качестве главного способа борьбы с выступлениями рабочих Шленев предлагал судить их военным судом, о чем он сообщал вышестоящему начальству.

Однако вопреки ожиданиям самого Шленева генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков назначил свое расследование приисковых происшествий. На основании произведенного расследования Горчаков писал о фактах злоупотреблений со стороны самих владельцев золотых промыслов, горно-полицейской власти, а также самого Шленева. Также на ситуацию приисковых беспорядков обратило внимание жандармское ведомство. Н.Я. Фалькенберг, начальник VII жандармского (Сибирского) округа доносил шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу о волнениях рабочих, основываясь поначалу на донесениях самого Шленева. В дальнейшем Фалькенберг в подробном отчете Бенкендорфу уже опирался на материалы специальной следственной комиссии, инструктированной им самим и обнаружившей факты злоупотреблений и произвола со стороны местной исполнительной и полицейской властей, а также самих золотопромышленников.

Несмотря на все свои попытки оправдаться, Шленев все-таки оказался под следствием. Высочайшим указом от 4 ноября 1837 г. он был уволен с поста томского губернатора. Однако его покровитель, министр финансов Е.Ф. Канкрин, способствовал облегчению участи бывшего томского гражданского губернатора.

В качестве далеко идущих последствий этого судебного разбирательства можно назвать следующие. Во-первых, 30 апреля 1838 г. вышло «Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири», регламентирующее многие стороны золотого промысла, в том числе и отношения между промышленниками и рабочими. Во-вторых, по решению Государственного совета от 16 мая 1838 г. в Томске была создана постоянно действовавшая комиссия для судебного разбирательства выступлений приисковых рабочих. А, в-третьих, как прямой ответ на выступления рабочих, в 1841 и 1842 гг. был учрежден жандармский надзор за частной золотопромышленностью в западной и восточных частях Сибири в качестве дополнительного правительственного надзора за этой отраслью.

Помимо указанных последствий в законодательной сфере, а также довольно громком судебном разбирательстве, «дело Шленева» демонстрирует еще ситуацию конфликта во властной структуре, как на местном, так и на высшем уровнях. При этом, как нам представляется, конфликт нельзя сводить к одному противостоянию Шленева и Горчакова – губернатора и генерал-губернатора, это был конфликт интересов различных ведомств. Так, Шленеву оказывал покровительство министр финансов Канкрин, а Горчакова поддерживало жандармское ведомство, в том числе и шеф жандармов – А.Х. Бенкендорф. Тем самым можно предположить, что такое противостояние являлось истинной подоплекой «дела Шленева». Такая ситуация не была уникальной для николаевского времени и свидетельствует о стремлении жандармерии наряду с высшей исполнительной властью в регионе искоренить разного рода злоупотребления среди местной власти.

С.С. Бытко

Нижевартовский государственный университет

**ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА РУКОПИСНЫХ
УРАЛО-СИБИРСКИХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКЗЕМПЛЯРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)**

В собрании Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета хранится весьма примечательный по своему структурному «устройству» рукописный старообрядческий сборник второй половины XIX в.[10]. Книга написана в 8° и, на первый взгляд, представляет собой «годовую» разновидность «Златоуста». В книге утрачена часть начальных

листов, однако сличение текстов показывает, что сборник открывается «Словом о лжепророках и лжеучителях» [10. Л. 1–15]. Решение выбрать это произведение в качестве вступительной главы следует считать весьма необычным. В частности, годовые «Златоусты» открывались в большинстве своём чтением «Притчи о мытаре и фарисее», расположенной в данном сборнике лишь во второй главе. Выяснение причин отступления составителя от «канона» позволит нам яснее понять характер взаимодействия старообрядческой книжности с кириллическим наследием Древней Руси.

Отметим, что «Слово о лжепророках и лжеучителях» должно было кратко резюмировать основной концепт книги. Так, в произведении содержатся мотивы, проходящие красной нитью через все части компиляции: обличение страстей, побуждение к соблюдению поста, устрашение надвигающимся апокалипсисом и др. Фрагменты «Златоуста», таким образом, оказывались в книге второстепенными и должны были лишь дополнять первую главу, обеспечивая наиболее полную аргументацию выдвигаемых в ней положений.

Кроме фрагментов «Златоуста», сборник из собрания ЛАИ УрФУ содержит также крупный блок правил, определявший порядок христианской религиозной жизни [10. Л. 111 об. – 130 об.]. Мы можем говорить о том, что все тексты были дословно заимствованы из «Кормчей книги» [7]. Всего сборник содержит 26 апостольских и святоотеческих правил. В целом отрывки из «Кормчей» повторяют круг тем, определенных предыдущими главами книги: отгораживание от еретиков, соблюдение поста, необходимость молитвы. Но эти отрывки также затрагивают проблемы взаимоотношений внутри старообрядческих общин, особенности организации религиозно-бытовой и семейной жизни, ранее не освещавшиеся в компиляции.

Следующим крупным «блоком» текстов служат четыре главы древнерусского учительного сборника «Альфа и Омега», снабженные пространными авторскими комментариями [10. Л. 131–155]. Примечательно, что в данном блоке также нарушена очередность фрагментов, что становится очевидным при сличении его с печатным изданием Супрасльской типографии 1788 г. [2]. Данный факт представляется чрезвычайно примечательным уже по той причине, что составленный в первой половине XVII в. сборник «Альфа и Омега» включал статьи, расположенные в строгом алфавитном порядке (на что указывает также само название книги).

Последний крупный «блок» текстов представлен разнородной выборкой из «Толковой псалтыри», «Апокалипсиса седмитолкового», «Старчества» и др. [10. Л. 155–192 об.] Примечательно, что данные фрагменты возвращают читателей к проблематике, затронутой в начальных главах компиляции, – к обострению эсхатологических настроений в среде староверов. Следует указать, что подобное решение при составлении старообрядческих сборников не было исключительным.

Зачастую староверы завершали свои компиляции сюжетами, повествующими о воцарении в мире антихриста и скором пришествии Христа, оставляя своих читателей с чувством надвигающегося апокалипсиса [4, с. 27].

Как мы можем заметить, данный сборник почти полностью состоит из дореформенной учительной литературы и, за исключением выписки из «Апокалипсиса седмитолкового», не содержит непосредственно старообрядческой литературы. С этим обстоятельством необходимо связывать и расположение отдельных «блоков» в структуре изучаемой нами компиляции.

Итак, рассмотренный сборник появился в поморской среде, где бытовал до того, как оказался передан в фонд Лаборатории археографических исследований. Удалось выявить печатные компиляции, послужившие источниковой базой данного сборника, и доказать наличие у него строго определенной структуры, основанной на расположении сюжетных «блоков» в зависимости от их архаичности и авторитетности в глазах рядовых староверов, причём налицо многочисленные примеры взаимодополнения отдельных глав компиляции. Тем не менее, выполненное исследование нуждается в продолжении.

Источники и литература

1. Агеева Е.А. Судьба старообрядца в императорской России: история жизни «учительного настоятеля» С.С. Гнусина // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 4. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 185–233.
2. Альфа и Омега, 1788 – Альфа и Омега. Типография Супрасльского Благовещенского монастыря, 1788 // Электронное периодическое издание «Соборник» [Электронный ресурс]. URL: <http://sobornik.ru/text/alfaiomega/alfaiomega.htm> (дата обращения: 11.03.2017).
3. Бытко С.С. Структурное оформление сборника «Слово о лжепророках и лжеучителях» // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2. С. 13–18.
4. Бытко С.С. Томский старообрядческий сборник назидательного характера: специфика структурного оформления // Россия будет прирастать Сибирью. Сургут: Изд-во СурГУ, 2016. С. 19–28.
5. Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века: Введение в изучение. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 160 с.
6. Златоуст. Единоверческая типография при Свято-Троицкой Введенской церкви, 1894 // Электронное периодическое издание «Соборник» [Электронный ресурс]. URL: <http://sobornik.ru/text/zlatoust/zlatoust.htm> (дата обращения: 05.03.2017).
7. Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. М.: Церковь, 1912 (1650). 1481 с.

8. Сморгунова Е.М. Исход староверов вчера и сегодня: уход от мира и поиски земли обетованной // История Церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. С. 211–219.
9. Сырцов И.Я. Современное состояние раскола в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 23–24. С. 481–499.
10. ЛАИ УРФУ. 50р/1847.

И.Н. Никулина

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

**ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА XIX В. НА АЛТАЕ
В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

В отечественной историографии имеется значительное количество работ, посвященных истории польской политической ссылки в Сибири, в том числе и на Алтае. Необходимо отметить, что под Алтаем в данный период подразумевается Алтайский (до 1834 г. – Колывано-Воскресенский) горный округ, включавший территорию современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан. Отдельные аспекты истории польской политической ссылки XIX в. на Алтае освещались в работах российских и казахских исследователей второй половины XX в.

Столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте была посвящена монография Н.П. Митиной [1]. Изучая пребывание польских повстанцев 1863 г. в Сибири, она определила их численность, конкретные места отбытия наказания для каждой категории ссыльных и условия жизни. Не касаясь непосредственно поляков на Алтае, Н.П. Митина упоминала о Ю. Быстрановском (Быстшановском), отбывающем ссылку на Алтае и причастному к делу о пожарах в августе 1864 г. в Барнауле [1, с. 57].

Деятельность польских ссыльных в Казахстане рассматривалась Г.С. Сапаргалиевым и В.А. Дьяковым, указывались пункты сосредоточения поляков в Западной Сибири, в том числе в городах Алтайского горного округа, их численность в Бийске, Кузнецке и Усть-Каменогорске [2, с. 16, 17, 27]. Авторами отмечалась деятельность члена офицерской революционной организации в Польше В.А. Монастырского и последовавший затем его перевод в Барнаульский гарнизон [2, с. 191-193]. В работе приводились сведения о польских ссыльных 80-х гг. XIX в. А. Бяловеском, С. Гроссе, находившихся в Усть-Каменогорске, рассматривалась их деятельность в ссылке [2, с. 217, 218, 221, 222, 230].

Первые попытка выявить ссыльных членов Общества военных друзей на Алтае была предпринята О.С. Тальской. В одной из своих статей, рассматривая

пребывание членов тайного общества в Сибири, она отмечала находившихся на Алтае (в Усть-Каменогорске) К., Ф. Ордынских и И. Высоцкого [3].

Особую важность представляет монография А.П. Бородавкина, в которой был поднят вопрос о выяснении причин пожаров, связанных с пребыванием польских ссыльных на Алтае [4]. А.П. Бородавкин писал, что «для понимания причины пожаров следует отметить, что наиболее тяжелыми были условия освобождения мастеровых Барнаульского округа, которые не получили даже мизерного земельного надела и вышли на волю без средств существования. Поэтому недовольство реформой и ненависть к горному начальству среди них были особенно сильны» [4, с. 247]. Несомненно, это привело к усилению борьбы мастеровых, проявившейся в пожарах как форме протеста против реформы 1861 г. и проводивших ее в жизнь горных чиновников. Кроме того, подобные пожары вспыхнули в Павловске и Сузуне, где поляков вообще не находилось. Очевидно, причина пожаров заключалась не в действиях польских ссыльных, а в новом подъеме борьбы, вызванной грабительским характером реформы 1861 г.

Обобщающая работа по истории политической ссылки второй половины XIX в. в Казахстане была создана В.З. Галиевым, в которой автором рассматривалась жизнь и деятельность польского политического ссыльного С.С. Гросса [5, с. 131-132]. Сведения о ссыльном враче Ц.И.Тэраевиче, упоминание о враче Виторте содержатся в работах В.З. Галиева, посвященных медицинской деятельности ссыльных в Казахстане [6; 7, с. 37].

Значительный вклад в изучение политической ссылки Западной Сибири второй половины XIX в. внесла Л.П. Рощевская [8, 9]. Рассматривая пребывание участников восстания 1863 – 1864 гг. в западносибирской ссылке, автор стремится восполнить имеющиеся пробелы в данной теме, определяя численность сосланных из Царства Польского и западных губерний, их социально-сословную принадлежность, род занятий, места размещения, меры правительственных репрессий по отношению к ним. Л.П. Рощевская определила численность польских политических ссыльных в городах Западной Сибири, в том числе и Алтайского горного округа (Бийске, Кузнецке, Усть-Каменогорске), а также представила сведения о ссыльном Б.Ф. Калиновском находившемся в Бийске [8, с. 75, 80; 9, с. 43]. Вместе с тем, история польской политической ссылки на Алтай не нашла отражения на страницах данных работ, поскольку, скорее всего, эта проблема не входила в число задач, достигаемых автором.

В целом, исследования историков второй половины XX в. значительно дополнили имеющиеся сведения по отдельным вопросам истории польской политической ссылки XIX в. на Алтае, создав тем самым основу для последующего изучения данной проблемы.

Источники и литература

1. Митина Н.М. Во глубине сибирских руд. М.: Наука, 1966. 143 с.

2. Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1971. 252 с.
3. Тальская О.С. Члены тайного общества военных друзей в Сибири // Советское славяноведение - М., 1971 - № 4 - С. 20-25.
4. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск: Издательство Томского университета, 1972. 284 с.
5. Галиев В.З. Ссыльные революционеры в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 140 с.
6. Галиев В.З. Медики-революционеры в Казахстане// Советское здравоохранение - М., 1972 - № 3 - С. 70-71.
7. Галиев В.З. Медицинская деятельность ссыльных революционеров в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 160 с.
8. Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1976. 137 с.
9. Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: ЛГУ, 1983. 176 с.

Т.А. Бочарова

Алтайский государственный педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

В пореформенный период в Российской империи складывается система кредитно-сберегательных учреждений, отвечавшая потребностям капиталистического развития страны. В отличие от современной двухуровневой системы, система финансовых учреждений царской России была многоуровневой и включала в себя: систему государственных кредитно-сберегательных учреждений, акционерные коммерческие банки, городские и сословные учреждения кредитования, учреждения мелкого кредита.

Формирование системы финансовых учреждений пореформенного периода в Томской губернии имело ряд существенных особенностей по сравнению с центральной Россией.

Во-первых, первым банковским учреждением региона являлся не государственный, а городской «Общественный Сибирский банк им. А. Попова» в г. Томске, учреждённый в 1843 г. На территорию Томской губернии не распространялась деятельность крупнейших ипотечных банков Российской империи: Дворянского и Крестьянского поземельного банка.

Во-вторых, низкий уровень товарно-рыночных отношений в регионе привел к низкой востребованности кредитных операции в открытом в 1865 г. Томской

отделении Государственного банка и фактически его убыточности вплоть до 90-х гг. XIX в.

В-третьих, за кредитный рынок региона, начиная с 90-х гг. XIX в. разворачивается острая конкуренция столичных акционерных коммерческих банков, которая привела к ряду монополистических сговоров и разделу сфер влияния.

В-четвёртых, в дореволюционный период на территории губернии (да и Сибири в целом) не было создано ни одного самостоятельного акционерного коммерческого банка, тем не менее идеи областничества нашли своё выражение в многочисленных проектах коммерческого банка Сибири.

В-пятых, важным элементом финансовой системы региона являлись учреждения мелкого кредита и общества взаимного кредита. В 1915 г. Томская губерния заняла первое место по численности кредитных кооперативов в Российской империи. Развитие кредитной кооперации привело к формированию многоуровневой системы их объединений. В результате союзного строительства к 1917 г. в регионе складывается уникальная четырёхступенчатая модель, включающая в себя: кредитные кооперативы, мелкорайонные союзы кредитной кооперации, центральные союзы и «Сибкредсоюз».

Важнейшим фактором развития кредитной кооперации являлась деятельность инспекций мелкого кредита при региональных отделениях государственного банка, прежде всего при Барнаульском отделении.

А.А. Храмков

Алтайский государственный университет

**БЫТЬ ПРИВЕРЖЕНЦЕМ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ:
КРЕСТ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ**

Модернизационная теория стала в последнее время **стала** манифестальным вопросом. модным всеобщим увлечением, в том числе и в сибиреведении. Причем она трактуется как главная среди других, универсальная, – хотя недавний советский опыт с универсализацией методологии, казалось бы, должен быть предостережением против этого. Она позволяет создавать широкую панорамную картину изменений в обществе, но не в системном виде, подобно формационной теории с ее экономическим детерминизмом и классовым подходом, – а при самостоятельном саморазвитии процессов.

На стадии «расцвета» этой теории сегодня не принято и предосудительно рассуждать о ее недостатках, не получив порицания в консерватизме. Но в каждой историографической эпохе историки открывали философский камень, спасительное учение, казалось позволявшее, наконец, дать возможность для полного и адекватного объяснения и понимания прошлого. А затем приходили

другие теории, и все время встает вопрос - камо грядеши. Не надо быть провидцем, чтобы предвидеть, что эта же участь ожидает и модернизм.

Сомнение вызывает уже то, что эта теория не едина, а существует несколько ее моделей, из которых надо выбирать подходящую, идя при этом на риск субъективности и произвольности.

Возможно дело не в этой теории, а в особенностях ее применения у историков. Заявление ее в качестве противостоящей формационной теории предыдущего этапа историографии, ее «сменщика», приводит нередко к игнорированию либо к недостаточному вниманию исследователей к социальной сущности процессов и явлений. Примеров этого много. Это и десакрализация российской революции, объявление Октября 1917 года в качестве простого переворота без назревших для нее глубоких общественных предпосылок. И революция 1905 г. выпала во многих учебниках в качестве особого раздела. Даже такой крупный ученый как академик Пивоваров повторяет о ней веховское: главной ошибкой ее было то, что ее вообще делали. На этом фоне должна быть отмечена последняя новаторская монография профессора М.В. Шиловского о революции 1905–1907 гг. в Сибири. На крупной конференции в 2008 г. в Томске о российских революциях известными и авторитетными учеными высказывалась идея, что Октябрь 1917 г. и события начала 1990-х гг. являлись этапами единой и непрерывной российской модернизации. При этом оставляется без внимания, что эти явления совершенно различной социальной сущности, что это не этапы, а просто зигзаги в модернизации.

Наконец, в работах группы алтайских историков последнего времени, подробно изучающих управленческую эволюцию Кабинета императора в Алтайском округе начала XX в., усиленный и односторонний акцент на модернизационные «прогрессы» (при несомненно происходившей трансформации и «модернизации») приводит к деформации социальной сущности политики Кабинета, отрицанию феодальных пережитков в ней (даже выкупные платежи крестьян, планировавшиеся Кабинетом с исполнением по существу до времен Хрущева, не были таковыми), игнорированию массового крестьянского движения против политики Кабинета. Наблюдается ограничение предмета исследования рамками ее отдельного аспекта – управленческо-политической истории Кабинета, – вне связи с ее общественным содержанием.

И даже выдвигается императив, что «необходимо отказаться от употребления такого понятия, как «пережитки феодализма», так как это не согласуется с модернизационной концепцией процесса перехода от феодализма к капитализму.

В чем может и должен состоять выход? Он широко известен – это междисциплинарный подход. Отказ от универсализации модернизационной теории, привлечение и других методологических систем. И обязательно также и формационной методологии, при ее широко признанных и масштабных

достижениях, методологии, которая вдруг стала «нерукопожатной» для части историков, в том числе и тех, кто ей одной долго поклонялся и фетишизировал ее.

А.К. Кириллов

Институт истории СО РАН

**ВЕЛИКОЕ СИБИРСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ
КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ:
ПРИЧИНЫ И СМЫСЛ СТОЛКНОВЕНИЙ МЕЖДУ
СТАРОЖИЛАМИ И ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ**

Близится к завершению публикаторский проект, посвящённый конфликтам переселенцев и старожилов по ходу Великого сибирского переселения. Речь идёт о нескольких столкновениях, документированных достаточно полно, чтобы можно было посмотреть на происходящее с разных сторон баррикады – за счёт документов, исходящих от старожилов, от переселенцев, от органов власти. Что нового дают эти материалы к представлениям о дореволюционном сибирском обществе?

1. Несмотря на явное нарушение переселенцами действующих законов, власти не спешили вмешаться в конфликт на чьей-либо стороне. И переселенцам, и старожилам в ответ на жалобы указывалось на их собственные упущения, ожидаемого силового вмешательства они не получали. Речь не идёт о параличе власти: как только в одном из разбираемых случаев вражда переселенцев и новосёлов обернулась убийством, виновные были высланы из пределов губернии. Власть в лице губернатора признавала за каждой из сторон свою правду и предоставляла возможность бороться (в известных рамках) за свои интересы. Этот вывод существенно меняет представление о царской России как стране принуждения и несвободы, пронизанной снизу доверху полицейским аппаратом.

2. Острейшие столкновения между старожилами и переселенцами, доходящие до недопуска на пашню, избиений, коллективных погромов и "разлома домов", начались за четверть века до знаменитого столыпинского переселения, при масштабе переселения на два порядка (в сто раз) меньшем. Конфликты 1880-х, 1890-х годов и столыпинского времени совершенно одинаковы по своим причинам, стадиям развёртывания, методам действий сторон. Если с точки зрения масштабного освоения Сибири период до 1906 года выглядит лишь предысторией великого переселения, то с точки зрения общественных проблем, возникающих по ходу дела, 80-е годы XIX века составляют неотъемлемую часть Великого сибирского переселения. Это не предыстория, но первый этап.

3. Обязательное условие для возникновения конфликта – наличие сил притяжения, действующих на первом этапе взаимодействия переселенцев и старожилов. Поселяясь в старожильческом селении, переселенцы нанимались в

работу к старожилам, покупали у них дома и хозяйственные постройки. Наличие периода взаимовыгодного сотрудничества и участниками, и наблюдателями конфликта воспринималось как довод в пользу переселенческих притязаний. Вот почему власти не ограничивались формальной логикой закона и не считали, что отсутствие приёмных приговоров делает переселенцев бесправными временщиками.

4. Суть конфликтов составляла не борьба между переселенцами и старожилами как таковыми (вопреки представлению общественности) и не борьба между бедными и богатыми (вопреки тезису советского времени), но борьба за сохранение привычного уклада жизни, осложнённая родственными, земляческими, религиозными и культурными различиями. Сама возможность этой борьбы была обусловлена неоднородностью как переселенцев, так и старожилов. В то время как одни старожилы вели последовательную борьбу против переселенцев, другие проявляли сдержанность или даже помогали новосёлам.

Эти выводы позволяют увидеть переселение не как технический процесс перемещения людей за сколько-то тысяч вёрст, но как явление из общественной жизни Сибири. Оно определяет оборотную сторону той медали, что связана с выходом сельскохозяйственного производства региона на новый качественный уровень.

Е.А. Карпенко

Алтайский государственный университет

**ПЕРЕПИСКА ЛЕСОВОДА К.П. ПЕРЕТОЛЧИНА
С БОТАНИКОМ И.П. БОРОДИНЫМ (НАЧАЛО XX В.)**

Письма – уникальный, ни на что не похожий вид исторического источника. Эпистолярные материалы при всей субъективности содержащихся в них оценок и мнений стоят в ряду наиболее достоверных источников. Один и тот же автор в своей переписке, не рассчитанной на опубликование, ведет себя гораздо откровеннее, чем в воспоминаниях, адресованных широкому кругу читателей. Письма позволяют представить, как воспринимались те или иные события людьми, которые сами наблюдали их.

Воспоминания ученого лесовода Константина Павловича Перетолчина неоднократно становились объектом внимания региональных исследователей при иллюстрации лесного хозяйства, культуры, быта и нравов барнаульцев начала XX в. [1–4]. Факты из его биографии содержатся в справочниках, энциклопедиях и календарях, приуроченных к памятным датам [5–8]. Однако до настоящего времени его личная переписка оставалась вне поля зрения и не публиковалась. Между тем именно в письмах можно проследить динамику взглядов ученого на

профессиональные обязанности и изменение политической обстановки в Алтайском округе.

Фонд К.П. Перетолчина в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ) за 1917 по 1950 гг. составляет около 70 единиц хранения. Наиболее информативными являются автобиографические воспоминания, сохранившиеся целиком в АГКМ в форме рукописи и ее машинописной копии [9]. В отличие от мемуаров, подлинники писем к ботанику Ивану Парфеньевичу Бородину хранятся в 125 фонде Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук [10, л. 1–7].

Основу писем составляют ботанические вопросы, находящиеся в сфере профессиональных интересов двух ученых. Эмоциональные высказывания К.П. Переточина об особенностях службе в Алтайском округе, перемежающиеся с ностальгическими воспоминаниями о его учебе в Лесном институте, делают переписку насыщенной и откровенной. Наиболее яркие высказывания, практически на грани отчаяния, содержатся в письме 1917 г. «Особенно трудно приходится людям чиновным вообще, а нам, бывшим служащим Кабинета и совсем плохо. Создаются невыносимые условия для дальнейшей службы в этом крае. Вы не можете представить ту душевную тяжесть, какую приходится нести в настоящее время чиновникам бывшего Двора; добросовестно неся всю тяжесть ответственной службы, нам всюду приходится слушать незаслуженные упреки от нравственно-низких людей!» [10, л. 6–7]. Вероятно, отчаяние К.П. Переточина было столь велико, что он даже просил И.П. Бородина помочь подыскать ему новую должность. К сожалению, ответ академика не известен, но из воспоминаний Перетолчина следует, что он остался работать в округе в должности старшего лесничего.

Ретроспективность переписки и хронологическая фиксация событий позволяют не только согласовать содержание писем с мемуарными записями соответствующего временного периода, но и расширить их. Так, если обратиться к воспоминаниям К.П. Перетолчина, относящимся к 1917 г., они сглажены, «политкорректны» и соответствуют эпохе их написания: «Жуткое для нас наступило время, но вместе с тем и весьма интересное». [9, л. 366]. Они скорее призывают к лояльному отношению к новой власти, нежели соответствуют тем откровениям, которые позволил себе Перетолчин в личной переписке с К.П. Бородиным.

Итак, обращение к личной переписке ученого лесоведа К.П. Перетолчина с крупнейшим ботаником второй половины XIX–начала XX в. И.П. Бородиным существенно дополняет и расширяет публиковавшиеся ранее фрагменты воспоминаний лесоведа.

Источники и литература

1. Барнаул в воспоминаниях К.П. Перетолчина // Краеведческие записки: Вып. 9. Барнаул, 2011. С. 83–122.
2. Гусельникова М.В. Барнаул начала XX в. воспоминаниях К.П. Перетолчина // Словцовские чтения-2005: Матер. XVII Всерос. научно-прак. краевед. конф. Тюмень, 2005. С. 22–24.
3. Из воспоминаний К.П. Перетолчина // Алтайский сборник. 1993. Вып. XVII. С. 138–152.
4. Карпенко Е.А. Лесное хозяйство Алтайского округа в начале XX века по воспоминаниям К.П. Перетолчина // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2016. № 3 (42). С. 92–95.
5. Перетолчин Константин Павлович // Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX в. 2000. С. 159.
6. Колесников А.А. 90 лет начала деятельности на Алтае выдающегося лесовода и краеведа К.П. Перетолчина (1878–1957) // Страницы истории Алтая. 1994–1993. С. 4–9.
7. Колесников А.А. 130 лет со дня рождения выдающегося лесовода и краеведа К.П. Перетолчина (1877–1957) // Алтайский край. 2007: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2006. С. 58–61.
8. Букина Т.Н. К 125-летию со дня рождения Константина Павловича Перетолчина (1877–1957) // Вест. культуры Алтайского края. Барнаул, 2003. № 5(9). С. 46–48.
9. АГКМ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1–3.
10. СПФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–7.

И.А. Ерёмин

Алтайский государственный педагогический университет

СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Чрезвычайные обстоятельства, вызванные Первой мировой войной, оказали противоречивое влияние на состояние промышленности Алтайского округа. В промышленном секторе экономики региона, с одной стороны, прекратили работу частные винокуренные и пивоваренные заводы в связи с запретом продажи спиртного, сократили производство деревообрабатывающие, льняные, закрылись многие мелкие кирпичные заводы. С другой стороны, некоторые отрасли производства, работавшие на оборону, получили в регионе заметное развитие.

Прежде всего, речь идёт об угледобывающей отрасли промышленности. В Кузнецком бассейне добыча топлива выросла с 47 млн. пудов в 1913 г. до 72 млн. пудов в 1916 г. Уголь из региона в значительном количестве в период 1916/1917 гг. стал поступать для хозяйственных нужд таких крупных уральских заводов,

работавших на оборону страны, как Златоустовский, Кыштымский, Белорецкий, Пермский. В 1917 г. удалось добиться поставок уральским заводам по миллиону пудов кокса ежемесячно с Кольчугинских копей Кузбасса. На базе угольных копей региона развернулось строительство заводов, продукция которых могла оказать существенную помощь для производства боеприпасов.

За счет добычи и переработки руд Риддерским акционерным обществом в годы войны в регионе началось быстрое развитие горнодобывающей и металлургической промышленности.

Кожевенное производство в Алтайском округе в этот период увеличилось более чем в два раза. Кожевенные заводы региона с каждым годом наращивали производство. Благодаря военным заказам, производительность кожевенных заводов Бийского района составила к 1916 г. 90 тыс. кож в год. В 1916-1917 гг. годовая производительность кожевенных заводов в районе должна была возрасти до 130 тыс. кож, т.е. в 1,5 раза. В Новониколаевском районе в 1916 г. годовая производительность кожевенных заводов составляла не менее 100 тыс. кож, а в Барнаульском – около 120 тыс. В Новониколаевске был построен крупный кожевенный завод «1915 год». Он предназначался для производства высококачественных сортов кож, подобных тем, что привозились в Сибирь из Европейской России и заграницы. Его годовая производительность составляла 50 – 70 тыс. кож, или примерно половину всего кожевенного производства в городе.

На подъёме в годы войны были маслодельная и мукомольная отрасли промышленности, которые активно работали на оборону страны и поставляли на фронт и в крупные промышленные центры многие миллионы пудов своей продукции. Нарращивая производство, крупные предприятия этих отраслей в годы войны наращивали свои доходы. «Алтайская фабрично–промышленная компания», например, выполняя военные заказы по поставке муки, сумела в 1916 г. получить за них почти вдвое больше (около двух млн. руб.), чем в предыдущем году.

Определенную роль в деле более активного привлечения частной обрабатывающей промышленности региона для выполнения оборонных заказов сыграли созданные летом 1915 г. военно–промышленные комитеты (ВПК). Военные заказы, поступавшие через ВПК десяткам мелких и средних предприятий, помогли им не только экономически выжить в чрезвычайных условиях, но и зачастую, расширить масштаб производства.

Всё это свидетельствует о том, что добывающая и обрабатывающая промышленность региона в эти годы была на подъеме.